

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

СОБЫТИЯ И ДЕЯТЕЛИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ В ДОКУМЕНТАХ БЕРГ- И МАНУФАКТУР КОЛЛЕГИИ

И.Н. Юркин

Отдел историографии и источниковедения истории науки и техники
Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
Старопанский пер., 1/5, Москва, Россия, 109012

С.П. Калита

Кафедра истории и теории культуры
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10- 1, Москва, Россия, 117198

Для изучения истории художественной культуры привлечен малоизученный источник – протоколы Берг- и Мануфактур коллегии. Полностью представлены данные о живописцах (мастерах и учениках) за 1720 г., выборочно – за другие годы. Приведены сведения о деятельности работавшего в России французского художника Ф. Пильмана. Материал касается создававшихся произведений искусства, мест, условий и оплаты работы, организации труда и обучения, взаимодействия учреждений, выступавших заказчиками и кураторами проектов.

Ключевые слова: художественная культура Петровской эпохи, Берг- и Мануфактур коллегия, мастера, ученики, Ф. Пильман, Петергоф.

Проникновение и утверждение в России в Петровскую эпоху художественной культуры Нового времени, ориентированной на образцы и формы, рожденные в ходе культурного развития стран Западной и Центральной Европы, – одна из важнейших тем истории отечественной культуры. Благодаря трудам нескольких поколений исследователей общие закономерности этого непростого процесса к настоящему времени, по-видимому, можно считать установленными. Но многие детали, в том числе важные, способные влиять

на наше представление о его (процесса) ходе и содержании, – все еще не ясны и требуют дальнейшего исследования.

Одна из причин трудностей – невосполнимая утрата огромного числа важных артефактов. Состав ныне существующего корпуса художественных памятников этой эпохи отчасти случаен. С одной стороны, не все лучшее и уникальное, даже не все наиболее типичное сохранилось. С другой, не все из сохранившегося обладает чертами, ценными для историка культуры. В будущем картина радикально не изменится: на обнаружение значительного числа качественных памятников рассчитывать не приходится.

Между тем определенная информация о них и их создателях рассеяна в пока еще не выявленных документальных источниках – в отложившейся в архивах делопроизводственной документации различных учреждений, в той или иной мере причастных к исполнению соответствующих заказов. В литературе отмечается, что список таких учреждений был достаточно велик: только в Петербурге к ним относятся Правительствующий Сенат, коллегии Берг, Мануфактур и Адмиралтейская, Партикулярная верфь, Монетный двор, Канцелярия городских дел (Городовая канцелярия, Канцелярия от строений) и др. (1).

Авторы настоящей статьи хотят привлечь внимание к отразившему художественный быт эпохи комплексу документов, хранящемуся в Российском государственном архиве древних актов. Речь идет о фонде Берг-коллегии, обратиться к которому в поисках информации о истории изобразительного искусства здравый смысл не подсказывает – слишком далеким представляется сфера компетенции этого учреждения и сфера искусства. Между тем область пересечения этих сфер существует.

Наше внимание привлекли входящие в данный фонд документы недолгое время существовавшего учреждения, именовавшегося Берг- и Мануфактур-коллегией (далее БМК), предшествовавшего Берг-коллегии и генетически ей родственного. БМК – детище самых первых опытов создания коллегий. Связанные с ней документальные следы прослеживаются с 1717 г., хотя законодательное оформление его образование получило только в именном указе от 12 декабря 1718 г. (2).

Сфера компетенции учреждения сложилась не сразу. Первоначально в нее входило «ведение» самых разных заводов и фабрик – не только горно-металлургических, но также восковых, шпалерных, овчарных, полотняных, «квасных» (по производству квасцов) и др.

Тот факт, что его руководителем был назначен Я.В. Брюс, «втянуло» в эту сферу даже артиллерию. Но уже с 1720 г. начинается постепенное ее сужение. После разделения коллегии на самостоятельные Берг- и Мануфактур коллегии (1722 г.) за Берг-коллегией остались промышленные производства, связанные с добычей и переработкой природных ископаемых, т.е. горно-металлургические и некоторые химические заводы.

Документы БМК начального периода ее существования сохранились не полностью. Нами полистно просмотрены и проанализированы книги, со-

державные приговоры коллегии за 1719–1722 гг., т.е. за весь период существования еще неразделенной коллегии. В них в хронологической последовательности переписаны резолютивные разделы определений коллегии. Они содержат разнообразные сведения по всему комплексу предметов ведения коллегии, в том числе касающиеся работы в России мастеров «живописного дела», иностранных и русских. Речь идет об их закреплении за отдельными объектами, работу которых контролировала коллегия, о назначении и процедуре оплаты их труда, обеспечении их материалами, организации обучения, решения текущих, не регламентированных контрактом, вопросов, связанных с их пребыванием и работой в России.

Следует учитывать, что перед нами не полные документы, а лишь заключительные их части. При переписывании в книгу эти разделы не редактировались, в связи с чем в них нередки отсылки к фактам и документам, информация о которых осталась за границами скопированного текста. В качестве примера укажем на присутствующие в них выражения «слушав вышеписанного доношения», «для вышеписанных дел», «по вышеписанному реестру», «в вышеписанном свидетельствованном письме» (3) и прочие им подобные. Ни доношения, ни реестры, ни письма в книгах приговоров не цитируются и не излагаются. Историки эпохи высоко ценят и широко используют материалы, включенные в многотомное издание «Доклады и приговоры Правительствующего Сената» (4). Того, что в публикации сенатских материалов именуется «докладом», в нашем случае в наличии не имеется. Тем не менее и такие документы обладают значительной информационной ценностью, что постараемся показать в настоящей статье.

Остановимся на материалах, касающихся фактов истории художественной культуры.

Поскольку целью статьи является демонстрация информационного потенциала источника, ограничимся материалами за единственный, а именно 1720 г. – самый ранний, для которого выявлены документы по теме. (Заметим, что их отсутствие в книге приговоров за 1719 г. может быть следствием того, что последняя сохранилась не полностью. В ее тексте присутствуют следы утраченных листов (оборванное на середине предложение на листе 89 об. не продолжено на следующем). Кроме того, на обороте первого листа имеется сделанная при архивной обработке книги запись более поздним, чем основной текст, почерком: «Из сей книги, как генваря, так и вышеписанного февраля месяцев, некоторые листы выбились, о чем и в здаточном реестре показано» (5).

Можно выделить два больших сюжета, нашедших отражение в приговорах Берг-коллегии за 1720 г., сохранившихся, по-видимому, полностью. Первый связан с работой в России французского художника-декоратора Ф. Пильмана, второй – с русскими учениками живописного дела.

Из заметных французских художников в России петровского времени трудились двое – Людвик Каравакк и Филипп Пильман. По мнению О.С. Евангу-

ловой, из приезжих мастеров этой эпохи именно французы (к перечисленным она прибавляет скульптора Н. Пино и архитектора Ж.-Б. Леблона) обладали «наиболее последовательными чертами национальной художественной манеры» (6).

В поисках посредников, через которых итальянское и французское начало влияло на развитие русского светского искусства последнего десятилетия петровского царствования, именно эти имена приходят на ум в первую очередь. Пильман занимает в этом ряду одно из наиболее почетных мест. Его пребывание в России относится к 1717–1723 гг. (7).

Выявленные упоминания о нем в наших документах касаются его работы для Петербургской шпалерной мастерской. В приговоре № 51 от 7 марта 1720 г. приказано выдать ему из средств коллегии 100 руб. в качестве аванса за картину размером 8 на 12 футов, «с которой делать шпалерным мастерам для убору его царского величества в полатах в Питергофе» (8).

Упомянутые «палаты» – скорее всего Монплеизир, над украшением интерьеров которого в этом году трудился Пильман. Искусствоведы неизменно высоко оценивают эту сохранившуюся работу, выполненную под его руководством и скорее всего отчасти по его замыслу (Так, О.С. Евангулова называет эту роспись «живой и непринужденной» (9)).

Содержание картины документ характеризует обобщенно: на ней предполагалось изобразить разные «фигуры». Это вполне совпадает с тем, что мы знаем о продукции Петербургской шпалерной мануфактуры: она выпускала большие настенные ковры с сюжетами на исторические и аллегорические темы и ткани с изображением цветов и птиц, предназначенные для обивки мебели. Автором картона одного из изготовленных на ней гобеленов считают Л. Каравакка (10).

Как видим, для нее трудился также и Пильман, которого, в учетом его живописных работ в Монплеизире, это обстоятельство определенным образом характеризует: получается, что он участвовал в оформлении этого ансамбля не только как мастер плафонной живописи (в каковом качестве, собственно, сегодня наиболее известен), но также и как автор рисунка гобеленов, которым предполагалось украсить его стены. Обращаем на это внимание, так как данный факт свидетельствует о нем, как художнике, создававшем (хотя бы в голове) целостный интерьер, а не одну, пускай важную, его часть.

Картину для Берг-коллегии (в ведении которой находился шпалерный завод) Пильман написал. Узнаем об этом из приговора БМК № 169 от 16 мая, последовавшего на поданное Пильманом в коллегию доношение, в котором он, вероятно, сообщал об окончании работы. Приговор предписал картину в коллегию принять, после чего отдать ее «для дела шпалер» мастеру Петеру Камусу (11). Качество этой работы для членов коллегии или представлялось заведомо высоким, или кто-то его уже подтвердил. Во всяком случае, выдать художнику остальные 100 руб. было решено без обычного в таких случаях предписания предварительно освидетельствовать исполнение.

Следующий приговор (№ 182 от 19 мая) любопытен, в частности, тем, что сохранил сетования БМК на слишком широкий круг порученных ей дел. В нем упомянуто, что материал по некому делу отослан к кабинет-секретарю А.В. Макарову «для того, что во управлении в Берг-каллегии дел и без того довольное число». Что именно отослано – не вполне понятно. Отмечено, что цейх-директор Михаил Аврамов (высший чин в штате Оружейной канцелярии (12)) отправил в БМК группу живописцев, слесарей и других мастеровых людей, а с ними ведомость из Оружейной канцелярии. Теперь для «вышеписанных дел» (каких – не раскрыто) они понадобились «при доме его величества» (в Петергофе?).

Макарову отправлены список присланных в БМК и сведения о числе нужных при царском доме. Присовокуплено заверение в готовности возвращать чужое и впредь: «А коликое число ему, Аврамову, к тому и впредь к таким же делам надобно каких мастеровых людей, и чтоб ему их по-прежнему содержать в своей команде, и о том ему прислать в Берг-коллегию известие, которые по ево требованию отпустятца к нему немедленно» (13). Из процитированной фразы следует, что речь, скорее всего, идет о возвращении в Оружейную канцелярию специалистов, временно командированных в распоряжение БМК. Кабинет-секретарь в данном случае – контролирующая инстанция.

В вынесенном два месяца спустя (13 июля) приговоре № 281 собственно живописные мастера не фигурируют, но в нем идет речь о других специалистах из группы, упомянутой в приговоре № 182 – тех, кто был послан «по ведомости цейх-директора Аврамова для отправления в доме его царского величества вышеписанных дел». Этим мастеровым людям приказано «до отделки тех дел» (т.е. до завершения работы) «велеть быть и те дела отправлять при Оружейном дворе или где будет повелено под призрением ево, Аврамова».

Другими словами, БМК их передала в другое ведомство: отправила конкретно на Оружейный двор. Для их работы Аврамов требовал материалы: 100 пудов железа, 3 стали, 500 мер угля. Эту заявку члены присутствия БМК посчитали логичным отнести «на щот Кабинета» и требовать от него, поскольку «тех припасов при Артиллерии ныне малое число, в чем (т.е. в связи с чем. – *И.Ю.* и *С.К.*) в Артиллерии не без нужды» (14).

Ссылка на дефицит материалов в Артиллерии, а не в БМК, объясняется тем, что эти ведомства имели в качестве руководителя одно лицо – Я.В. Брюса. Благодаря этому они работали в тесной связи: в частности, их начальник постоянно перебрасывал материалы от одного ведомства в другое (как правило, из прочно стоявшей на ногах Артиллерийской канцелярии в новорожденную БМК). Соответственно, дефицит чего-то в Артиллерии подразумевал полное отсутствие этого в БМК.

Из приговора № 323 от 5 августа узнаем, куда именно отзывали живописцев, до того временно трудившихся в БМК (при шпалерном заводе). Су-

дя по преамбуле («Великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец указал...»), в данном случае имеет место не решение присутствия БМК, а транслированный ими по подчиненности указ Петра. Из него узнаем, что на тот момент Пильман находился «у живописной работы» в Петергофе. Со ссылкой на некое остающееся нам неизвестным письмо предписано подобрать ему трех русских учеников и отправить их к живописцу. Сведения этого документа, касающиеся условий обучения, будут рассмотрены ниже. Здесь обратим внимание на следующий из него факт курирования этих работ Кабинетом: именно из его сумм, а не из средств БМК, должно быть профинансировано обучение, именно Кабинет должен озаботиться подготовкой послушных указов петергофским «командирам», которые должны обеспечить учеников красками и прочими материалами. В заключение приказано на изложенных в приговоре условиях учинить с Пильманом контракт (15).

Текст этого контракта сохранился, он внесен в Книгу записную под № 375, датирован 31 августа (16). (Не вполне ясен смысл предложения, следующего после текста этого документа: «В том же контракте с ним живописным мастером заключен сего августа в 5-й день 1720 г. в Санкт-Петербурхе за подписанием Берг-коллегии» (17). Мы склонны интерпретировать ее в том смысле, что в этот день Берг-коллегией было принято соответствующее решение, отраженное в датированном этим числом приговоре № 323, собственно же контракт был оформлен 31 августа.)

Факт заключения этого контракта создает впечатление, что в более раннем контракте с живописцем, который составлялся при приеме его на службу, обучение, вероятно, не было оговорено, а если и было упомянуто, то в самом общем виде. Идея использовать Пильмана в качестве учителя (сама по себе вполне тривиальная) материализовалась только после того, как он показал, на что способен. Не это ли (стремление убедиться в профессиональном мастерстве) объясняет задержку с заключением с ним договора об обучении?

Отпуск из БМК Пильмана и учеников, ранее предоставленных ей «на прокат» Оружейной канцелярией, оставил без живописца шпалерное дело – об этом в коллегию сообщил обеспокоенный ситуацией мастер П. Камус. Надеяться на «дружественные» ведомства, могущие предоставить специалиста «во временное пользование», в связи с большими работами в Петергофе и на других объектах БМК не приходилось. В связи с этим 8 августа члены присутствия коллегии приговорили (документ № 325) взять у шпалерного мастера ведомость, «сколько каких мерою и маниром надобно картин написать». Специалистов для этой работы было решено привлечь на внешнем рынке: для обучения учеников «писать к шпалерному делу живописных, травчатых и колерных разных рук рисунков, каковы мерою и маниром предложит оной шпалерной мастер Камус», нанять «живописца доброго» и заключить с ним договор (18).

Практика найма ведомственными учреждениями «вольных» живописцев для петровского времени по литературе известна. Среди имен художников, работавших по найму, называются имена Дмитрия Соловьева, Василия Игнатьева (Белопольского), Даниила Буралевского. Подчас им поручалась весьма ответственная работа. Так, вольный живописец Василий Белопольский привлекался для написания больших тематических картин на завершающем (1730 г.) этапе создания художественного убранства Петропавловского собора (19).

Но решение вопроса о живописце для шпалерного завода нашлось в иной, чем первоначально намечалось, плоскости. На горизонте возник некий Мирон Аврамов (не путать с цейх-директором Михаилом Аврамовым), рекрут, взятый в набор в Сибирской губернии, о котором откуда-то стало известно, что он, как сказано в приговоре № 453 от 27 сентября, имеет «некоторое художество, которое надлежит к мануфактурному делу». Приговор предписал послать по этому поводу указ в Военную коллегию, которым требовать присылки Аврамова в БМК (20).

Очутившийся здесь уже через неделю, он тотчас был определен «к шпалерному делу для писма живописных картин разными фигурами». Аврамов немедленно подал доношение с приложенным реестром того, что для нее ему требовалось – инструментов, красок, «припасов». Приговором № 477 от 5 октября расходчику БМК Родиону Михайлову было приказано «сообща» с живописцем приобрести все им затребованное «настоящею ценою бес передачи» (т.е. без переплаты). Приобретя, передать одному из работавших при коллегии комиссаров – Белеутову. Тот должен был отдать Аврамову инструменты, а краски и припасы выдавать по мере надобности «по розсмотрению» (21).

Мирон Аврамов уже рисовал фигуры, а его социальное положение еще предстояло оформить и узаконить. Соответствующий приказ был дан в БМК 21 октября (приговор № 507). Обратим внимание на присутствующую в нем любопытную деталь: в документе он назван «Сибирской губернии дворянским сыном». Приговором коллегии определено «быть ему в ведении в Берг-коллегии, понеже он имеет за собою живописное художество, которое надлежит к мануфактурному делу. И для того учинить ему его великого государя денежного жалованья и дать с присылки ево октября с 15-го дня по рублю на месяц, а в год двенадцати рублей, да провианту по полуосмине муки на месяц. А для живописного письма быть ему при шпалерных мастерах и для того писма отвести ему особую полату при Берг-коллегии. А денежное жалованье давать ему ис приемных ис Кабинета денег к шпалерному делу от расходчика Родиона Михайлова, а провиант от камисара Белеутова» (22).

Сведения о жалованье, назначенном Аврамову, интересно сравнить с цифрами, касающимися мастеров, иностранных и русских, и их учеников. Гравер А. Шхонебек в 1702 г. получал за работу 330 руб. в год, треть годового жалованья Л. Каравакка составляла в 1730 г. 365 руб. Ученики Шхоне-

бека получали по 18 руб., живописные ученики Оружейной палаты по 21 руб.; русские ученики Каравакка – один 20 руб., другой – всего 4 (23). Из сравнения видно, что труд обслуживавшего шпалерный завод Аврамова оплачивался по расценкам ученика. В наших документах так он, однако, не называется. Можно предположить две причины этого: во-первых, он ни у кого на тот момент не учился, во-вторых, самостоятельно выполнял достаточно сложную, уровня мастера, работу.

Аврамов втянулся в работу быстро. 13 декабря присутствие БМК вновь распорядилось (приговор № 602) об обеспечении его материалами: «живописных картин припасы – масло, скипидар, муку, белила, свечи, рамы, бакан, кисти, сурик, умру – купить Берг-коллегии росходчику Родиону Михайлову» (24). Полагаем, что это была уже новая их «порция» – после предыдущего аналогичного распоряжения прошло больше двух месяцев.

Рассмотрев содержащиеся в приговорах данные о мастерах, обратимся к ученикам.

Мы уже упоминали о трех русских, определенных на учебу к Пильману. Приговоры сохранили имена двоих: это были живописные ученики Иван Константинов сын Любецкий (Любетцкий) и Михаил Лукьянов сын Негрубов (в одном из документов – Грубов). «А третьева, – предписывает коллегия, – велеть приискать, где возможно» (25). Приведенная цитата – в приговоре от 5 августа, таким же (двое подобраны, третьего ищут) положение сохранялось и на конец месяца (26).

О трех учениках Пильмана упоминается в литературе, но приводимый в ней их список (Федор Воробьев, Михаил Негрубов и Степан Бушуев) не полностью совпадает с нашим. Возможно, один из перечисленных заменил известного из приговоров Любецкого (о чем ниже), а другой заполнил пустующую вакансию. Выказано утверждение, что Негрубова и Воробьева «Петр I хорошо знал», доказательством чему предлагается считать исходящие якобы лично от него их (и некоторых других живописцев) направления «на обучение или работу». Пример – указ царя 1720 г. об отдаче Негрубова и Воробьева в обучение Пильману (27).

Не отвергая существования подобных фактов (царских посылок) в принципе, призовем к большей осторожности при интерпретации источников в этом ключе. Приговоры всех центральных учреждений начинались в то время словами «По указу государя царя и великого князя Петра Алексеевича», но далеко не все такие указы являлись именными (т.е. лично исходящими от самодержца).

Выше мы отмечали, что русские ученики были определены к Пильману не сразу после его появления в России. Была названа и возможная причина этого. Но не исключаем и другое объяснение: то, что причиной явилось сопротивление самого Пильмана. Ученик был полезен ему прежде всего в качестве помощника, а помощника он привез с собой. В литературе приводится его имя: Габриель Морелли (28).

Наши более поздние документы в качестве ученика Пильмана называют другое лицо – иноземца (возможно, нидерландца) фан ден Керковена. Пильман был им доволен, во всяком случае, потом, будучи спрошен, характеризовал его положительно. Но Керковен в 1720 г. собрался «во отечество ево, в Амстердам». Приговор БМК № 527 о его отпуске («дать ему из Берг-коллегии пас... А для запечатания с указом послать в Коллегию иностранных дел») последовал 31 октября, но едва ли стал для Пильмана неприятной неожиданностью (тот отпустил ученика с миром: засвидетельствовал, что «он никому не должен и служил верно» (29). На фоне предстоящего отъезда ученика-иностранца Пильман, возможно, и согласился взять русских учеников, которые до отъезда Керковена должны были хоть чему-то (в понимании француза) выучиться.

Сотрудничество с одним, а именно с Иваном Любецким, у Пильмана не сложилось, хотя причиной этого был проступок, отношения непосредственно к учителю, кажется, не имевший. 7 сентября, реагируя на поступившее доношение цейх-директора Аврамова, БМК распорядилась забрать Любецкого из Петергофа назад в коллегию, откуда отослать к Аврамову «для роспросу и очных ставок в краже государевых вещей».

Приговор определяет два варианта развития событий: «И буде по розыску и по очным ставкам в том воровстве он явитца ничем не приличен, и ево прислать в Берг-коллегию по-прежнему немедленно. А буде в чем виновен – и на ево место прислать иного ученика доброго немедленно» (30).

Дальнейшая судьба заподозренного в краже ученика в источнике не отражена. Известно, что учителя данных им в научение подчас браковали (так, Л. Каравакк дал негативный отзыв о профессиональных качествах Василия Морозова (31), но как были оценены способности и навыки конкретно Любецкого, мы не знаем).

Его соученики – Михаил Негрубов и присоединившийся позже Степан Бушуев – обучение прошли и достигли неплохих успехов. Пильман так характеризовал их в своем донесении: «Оные де ученики... научились от меня живописным художествам, орнаментам, которыми убираются внутри домов потолки, стены или что иное, и могут они все те живописные дела править собою без всякого отягчения» (32).

В 1724 г. работавший в России итальянский художник Б. Тарсия дал трем пильмановским ученикам (Воробьеву, Негрубову и Бушуеву) весьма высокую оценку: «они в их художестве гораздо произведены и могут о себе без одного мастера пробыть». Шесть лет спустя они выдержали еще один экзамен, по итогам которого были признаны способными выполнять работу в домах императорского величества и в Петропавловском соборе. Позднее Негрубов и Воробьев сами готовили учеников. По мнению Б.Ф. Борзина, к концу 20-х гг. творчество некоторых русских мастеров, в том числе ученика Пильмана С. Бушуева, «не уступало уже искусству иностранных художников» (33).

Августовские документы – приговор (№ 323) и составленный на его основе контракт (№ 375), заключенный с Пильманом в конце того же месяца – описывают условия, на которых он должен учить русских учеников, и требования к результатам этой работы. Цитируем по контракту: «Ему, Пилману, дадутца в учение живописного художества русские люди три человека, присланные из Оружейной канцелярии из живописцов... (следуют приведенные выше два имени. – *И.Ю.* и *С.К.*), а третей – кто после будет прислан. И тех учеников живописному художеству обучать ему со всякою прилежностью бескрытно так, чтобы они во времяни том, пока он Пилман (так) здесь в государстве будет, всякие вещи делать умели, как сам умеет и в том мастерстве совершенно знает. А ежели которая из учеников оных художеству оному непонятен явитца, того б объявить ему, Пильману, в Берг-коллегии. Так же ежели из данных ему учеников которой умрет, взять ему вместо тех иного ученика. А за то учение по требованию ево дать ему за всякого ученика по двести рублей...». Обучение проводилось в режиме мастер-класса, при этом мастер преподавал исключительно то, в чем был мастеровит. От обеспечения учеников инструментами и материалами Пильман освобождался – заниматься этим было предписано тем, «кому в Питергофе ныне живописная работа приказана» (34).

Оплата должна была производиться в два приема: половину следовало выдать из кабинетских средств «наперед», а остальное – «в то время, когда ученики оные выучатца и покажут от мастерства их искусные пробы» (35).

Этим исчерпываются связанная с живописцами информация, выявленная нами в приговорах БМК 1720 г. В приговорах последующих годов вплоть до ликвидации БМК в 1722 г. их имена эпизодически мелькают вновь. Так в одном из приговоров 1721 г. упомянут продолжавший служить при шпалерном заводе Мирон Аврамов, ему предписывалось выдать жалование за январь и февраль месяцы и была указана сумма – видим, что она совпадает с первоначально установленным окладом (36).

Встречает и новых лиц, например, живописца Дмитрия Соловьева, которому «за ево в том живописном деле искусство» приказано жалование увеличить (37). Но обзор и анализ этого материала выходит за избранные нами хронологические рамки.

Как видим, приговоры БМК всего лишь одного, 1720-го, года содержат информацию, добавляющую штрихи к биографиям работавшего в России французского мастера Филиппа Пильмана, живописного дела учеников иностранца фан ден Керкорвена и русских Ивана Любецкого, Михаила Негрובה, Матвея Аврамова. Из них выясняется содержание работы этих живописцев в Берг-коллегии (обеспечение работы шпалерного завода) и ее связь с работами в царских резиденции Петергофе. Раскрываются условия, в которых работал прикрепленный к шпалерному заводу русский мастер Матвей Аврамов. Характеризуется организация обучения русских учеников иностранными мастерами. Уточняется механизм взаимодействия ведомств, распорядившихся художниками и курировавших исполнение художественных

работ (Кабинет Его Величества, Берг- и Мануфактур коллегия, Артиллерийская и Оружейная канцелярии). Документы подтверждают факт острого дефицита квалифицированных специалистов в быстро развивавшемся Петербурге; показывают разнообразие форм привлечения рабочей силы: Пильман работает по контрактам, рекрута Михаила Аврамова переводят на новое место путем согласования между ведомствами, коллегия готова пригласить местного специалиста на условиях вольного найма. Все эти сведения являются весьма содержательным дополнением к уже сложившимся представлениям о художественной жизни петровской эпохи.

Не приходится сомневаться, что выявление в фонде Берг-коллегии оригиналов дел, приговоры по которым были рассмотрены в этой статье (что некоторые из них сохранились – весьма вероятно), позволит еще более их дополнить.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Борзин Б.Ф.* Росписи петровского времени. – Л., 1986. – С. 27.
- (2) *Бабич М.В.* Берг и Мануфактур-коллегия // Государственность России. – Кн. 1: А–Г. – М., 1996. – С. 45.
- (3) РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 88. – Л. 173об., 184, 392, 441.
- (4) Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные императорской Академией наук. – СПб, 1880–1901. – Т. 1–6.
- (5) РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 88. – Л. 1об.
- (6) *Евангулова О.С.* Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII в.: Проблемы становления художественных принципов Нового времени. – М., 1987. – С. 59.
- (7) *Борзин Б.Ф.* Указ. соч. – С. 195; *Калязина Н.А., Комелова Г.Н.* Русское искусство Петровской эпохи. – Л., 1990. – С. 259.
- (8) РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 89. – Л. 93.
- (9) *Евангулова О.С.* Указ. соч. – С. 181.
- (10) *Коришанова Т.Т.* Новые материалы о создании шпалер «Полтавская баталия» // Культура и искусство петровского времени: Публикации и исследования. – Л., 1977. – С. 163, 172; *Калязина Н.А., Комелова Г.Н.* Указ. соч. – С. 209.
- (11) РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 89. – Л. 173 об.
- (12) Донесение из Оружейной канцелярии в Сенат 1718 г. // *Бранденбург Н.Е.* Мат-лы для истории артиллерийского управления в России. Приказ артиллерии (1701–1720 гг.). – СПб, 1876. – Прил. 4. – С. 405.
- (13) РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 89. – Л. 184.
- (14) Там же. – Л. 252 об.
- (15) Там же. – Л. 280, 280 об.
- (16) Там же. – Л. 318об., 319.
- (17) Там же. – Л. 319–319 об.
- (18) Там же. – Л. 281 об.
- (19) *Борзин Б.Ф.* Указ. соч. – С. 27, 35, 36.
- (20) РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 89. – Л. 366.

- (21) Там же. – Л. 392.
- (22) Там же. – Л. 422.
- (23) Борзин Б.Ф. Указ. соч. – С. 195.
- (24) РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 89. – Л. 493.
- (25) Там же. – Л. 280.
- (26) Там же. – Л. 318 об.
- (27) Борзин Б.Ф. Указ соч. – С. 30.
- (28) Там же. – С. 195–196.
- (29) РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 89. – Л. 441.
- (30) Там же. – Л. 330.
- (31) Борзин Б.Ф. Указ. соч. – С. 29.
- (32) Калязина Н.А., Комелова Г.Н. Указ. соч. – С. 81.
- (33) Борзин Б.Ф. Указ. соч. – С. 29.
- (34) РГАДА. – Ф. 271. – Оп. 1. – Кн. 89. – Л. 318 об.–319.
- (35) Там же. – Л. 280.
- (36) Там же. – Кн. 90. – Л. 16.
- (37) Там же. – Л. 132.

EVENTS AND FIGURES ARTISTIC CULTURE OF RUSSIA PETER THE GREAT'S ERA IN THE DOCUMENTS OF THE BERG-COLLEGIUM OF MANUFACTORIES

I.N. Yurkin

Department of historiography and source studies
the history of science and technology
The Institute of history of natural science and technology
after S.I. Vavilov of the RAS
Snaropanskuy lane, 1/5, Moscow, Russia, 109012

S.P. Kalita

Department of history and theory of culture
Peoples Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay Str., 10a, Moscow, Russia, 117198

For the study of the history of art culture brought poorly studied the source of the protocols Berg and the Collegium of Manufactories. Fully presented the data about painters (masters and students) in 1720, selectively – for other years. Provides information on the activities of working in Russia of the French artist. Material concerns created works of art, places, conditions of and remuneration for the work, work organization and training, interaction between the institutions, speakers customers and curators of the project.

Key words: art culture of the Peter's epoch, Berg and the Collegium of Manufactories, the masters, disciples, Peterhof.